

Москва
Малый театр

10/11 89

Заметки критика: классика без хрестоматийного глянца

Чехов в «Доме Островского»

Старейший наш театр — московский Малый — вероятно, единственный в России, на сцене которого не плакала Маша Шамраева, в замужестве Медведев, не говорил о лесах доктор Астров и не звучал прощальный марш «Трех сестер». Из истории театра нельзя вычеркнуть сложность его отношений с Чеховым, дружбу-спор великого актера А. Ленского с великим писателем А. Чеховым, письмо О. Садовской с просьбой написать пьесу с ролью для нее — и неприязнь М. Ермоловой к «новой драматургии», и отказ автору в постановке «Дяди Ваня» и некую отдаленность «Дома Островского» от близкого «Дома Чехова».

Только семь лет тому назад, в январе 1982 года, театр показал «Вишневый сад». Игорь Владимирович Ильинский любовно ставил пьесу, не стараясь удивить зрителей нескромностью со спектаклями. Художественного театра, напротив — оглядываясь на них. Сам сыграл Фирса — и зрители подчас забывали о главных героях, любящих каждый выходом старого лакея, который то дунал пушники с барина, то превращался в торжественного мажордома, вынужденного слу-

жить не графом — телеграфистам!

Нынешняя премьера «Лешего» — новый подступ Малого театра к драме Чехова. Скорее, впрочем, к комедии, как обозначил жанр сам автор (не забудем, что и «Чайка», и «Три сестры» для него — комедии). Эта ранняя пьеса Чехова — словно эскиз будущей всем известной картины. Эскиз, в котором одни персонажи сразу прописаны, другие только намечены, композиция, тональность только ищутся. Совершенство «Дяди Вани» затмивало несовершенно «Лешего». Но вновь открытый эскиз поражает вдруг первоначальной остротой, преобладанием открытого комизма. Именно это привлекает театры, и пьеса, почти не имевшая сценической истории, закономерно, казалось бы, забытая, открывается сегодня для театров всего мира, в том числе для Малого.

Режиссер Б. Морозов и художник И. Сумбаташвили точно, просто обозначили место действия: не подробности старого дома, но колонны, соединяющая их белая галерея, не иллюзорный пейзаж — дальние излучины реки за сероватым, словно выцветшим узором ветвей. Огромный стол (переверну-

тый, прислоненный к колонне, он станет в финале мельничным колесом) за которым празднуют день рождения, ссорятся, изводят друг друга попреками и все-таки остаются верными друг другу, постылым обязательствам. Б. Морозов, недавно пришедший в Малый театр, увлеченно работал с актерами, не опровергая традиций театра, но поддерживая их. Внимание к слову, к стилистике автора, внимания к прошедшему времени действия, которое не переводится в настоящее, но притягивает своей достоверностью, — все это воплотилось в спектакле. Он привлекает не столько остротой событий, сколько развитием, крупной лепкой характеров, определяющих события.

Здесь неожиданы Ю. Каюров — не столько старый, сколько сазонитый Серебряков, отставной профессор, вовсе не желающий быть отставным. Здесь неожиданно объединены реальными делами (остальные только говорят о том, что «надо дело делать») Леший — Хрущов, помещик по социальному положению, медик по образованию, лесовод (мы бы сказали, зоолог) по призванию, в исполнении А. Михайлова, и кротко — упорный, в то же время тревожащий своей

ограниченностью Илья Ильич — В. Езепов. Здесь найдено трудное для сцены чувство родства отца и сына Орловских (Н. Анненков и А. Назаров), брата и сестры Желтухиных (В. Богин и И. Тельпугова), мужа и жены Серебряковых.

Отметим, что «женские партии» исполнены в спектакле более прямолинейно, нежели мужские, но отметим также, что они в самой пьесе труднее мужских, особенно — ассоциациями с «Дядей Ваней». Соня в «Лешем» — другая, Елена Андреевна — другая. Образы, созданные О. Кузнецовой и А. Титовой, не стали столь захватывающими, чтобы отменить ассоциации. Самой «естественной» женщиной спектакля стала Мария Васильевна в исполнении И. Ликсо. Сочетание дворянки и нигилистки, жизнь — бесполезная, как читаемые ею брошюры, порока, воспитанность и — жалкая ненужность. Истинный сын этой Марии Васильевны — Войничский (Ю. Соломин). Не дядя Ваня, но «Жорж»: с его самоотверженной и пропавшей жизнью, застрелившийся в одной из двадцати шести комнат огромного дома...

«Пережили» в спектакле не част, и потому особенно резок:

нужно ли Орловскому-младшему ползти по саду, а Юле Желтухиной сидеть на нем верхом, и без того ясно, что эта бойкая девица будет «ездить» на недалеком муже. Зато, как точно построены выходы персонажей — абегающий Хрущов, торжественно выступающие Серебряковы, как точны неподвижные и напряженные споры за столом!

Увлеченность репетиций воплотилась в увлекательности спектакля: билеты проданы, в администраторскую — очередь театралных людей, в зрительном зале — частый смех, напряженная тишина, живое сочувствие.

Сочувствие, традиционное для Малого театра, сопровождает и возобновленный «Вишневый сад». Огромную работу провел режиссер В. Мартенс, стараясь сочетать верность премьеры и самостоятельность актерских решений. Естественны отличия Раневской — Н. Корниенко от Т. Ермоловой, тактичная приглуженность (при сохраненной достоверности) Фирса — В. Носика сравнительно с первым исполнением.

Театр старается избежать столь часто на сегодняшний сцене осовременивания персонажей, старается не впасть и в

иную крайность — хрестоматийность, уровень школьного сочинения об осуждении дворянства и уходе младшего поколения в новую жизнь. С этими загадками, историческими и психологическими, бьются все театры, ставящие «Вишневый сад», в том числе и Малый. Почти никому, в том числе и Малому театру, не удается их разгадать.

Впрочем, зрители, вовсе не «театральные», как на «Лешем», где сравнивают героев Чехова, вспоминают Горького, в значительной своей части следят за сюжетом. Их трогает судьба Вани, отлично сыгранной Т. Лебедевой, живое смятение Лопакхи — В. Коршунова, и они плачут, когда Фирс умирает под стук топоров, вырубаящих старый сад. Малый театр ищет свое отношение к Чехову не в открытости аллюзий, не в сведении пьесы к сценарию для зрелища. Театр хочет союза с Чеховым, прочтения старых пьес вместе с сегодняшними зрителями.

Первые чеховские спектакли — старейшей московской сцене — ступеньки к этому союзу.

Е. ПОЛЯКОВА,
доктор искусствоведения.